

ВЫЯВЛЕНИЕ СФЕРЫ ИМПЛИЦИТНОГО В ПРЕДЕЛАХ ФОРМ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Т.В. Тукова

(Донецкий государственный университет)

Неоспоримым достижением формальной грамматики можно назвать достаточно полное исследование синтаксических возможностей языка. Однако широко описанные средства и способы образования грамматических форм связывались прежде всего с эксплицитной стороной грамматических значений определенных категорий. Так, формирование представления о грамматической категории числа имен существительных, построение оппозиции форм единственного и множественного числа исходило прежде всего из количественного противопоставления "один" - "один + н". Формы единственного числа специализировались на передаче идеи единичности. Наиболее последовательно такая семантика прослеживается у исчисляемых конкретных имен типа *карандаш, платье, тетрадь*. Считаемые существительные с неясным числовым значением обладают вариантом числовой формы (*ателье - одно ателье*). У неисчисляемых имен существительных форма единственного числа семантически пуста (Колесников 1988).

Эксплицитно выраженная идея единичности у форм единственного числа признается в грамматиках их парадигматическим значением. Описание имплицитно содержащихся в сингулятивных формах исчисляемых имен значений стало предметом исследования функциональной грамматики (Брусенская 1986: 3-7; Прокопович 1966: 29-32; Тукова 1992: 88-96; Якимова 1961: 75-91). Замечено, что в процессе употребления формы единственного числа могут манифестировать семантику множества. Чтобы подтвердить эту мысль, необходимо, вероятно, выявить функциональные типы вербального контекста, диагностирующие парадигмы, т.е. те контекстуальные средства, которые указывают на плюральный характер значения существительных, имеющих форму единственного числа. Среди таких средств можно прежде всего назвать некоторые лексемы и грамматические формы.

Для определения семантической наполняемости форм единственного числа существительных рассмотрим лексическую дистрибуцию этих форм. Как показывает материал, плюральный характер семантики форм единственного числа могут подчеркивать соотносящиеся с ними так называемые количественные слова, имеющие контактное или дистантное по отношению к анализируемой форме расположение: "Ну, березы тут доволна, а вот лиственницы - не скажу" (Г.Марков); "Глинка знал: за воротами слушают кобзаря, не смея прийти сюда, тихие крестьянские толпы. Это ощущение немого и строгого слушателя, невидимого вблизи, и томило и радовало" (Е.Вадецкий); "-Турок придет во множестве" (В.Бахревский); "Правда, в этом году консервный завод организовал прием вишни - в нашей местности ее очень много" (Комсомольская правда).

В функции указателя референтной множественности могут выступать

прилагательные, наглядно демонстрирующие неединичность объекта, о котором идет речь: "Слова берутся без разбору, мало понятные, а то и вовсе непонятные широкому читателю" (К. Паустовский); "Частная опера должна привлекать публику своим репертуаром и хоть как-то оправдать огромные затраты на постановку блистательных русских опер, пока еще не заинтересовавших массового зрителя" (В. Петелин). Такого рода левый контекст широко представлен в русской речи.

Собирательное значение форм единственного числа может также поддерживаться прогнозирующим левым контекстом, состоящим из выражения НАШ БРАТ в роде местоимения: "-Что же это за сила? Наш брат интеллигент? Не шибко-то я верю в эту силу! Одних припугнут, другим подороже заплатят, трети не рискнут потерять кусок хлеба насущного (Г. Марков); "-Я вот читал недавно,- прервал его мысли Букреев. - Ваш брат журналист пишет..."(Л.Борич). Заметим, однако, что значительно реже, но все же возможна в данном случае и омореферентная форма множественного числа существительного в сочетании с этим выражением: "Шибко уж много нашего брата, тепличников, развелось" (В.Кузнецов).

Такие слова, как МЕЖДУ, СРЕДИ, в сочетании с именами существительными предполагают обычно наличие группы предметов, а не отдельных единиц. Поэтому, наблюдая соотнесение данных лексем с существительными в форме единственного числа, логично говорить о плюральном характере семантики последних. Подобного рода разрешающие контексты зафиксированы нами в художественной речи: "Среди репейника бегал по ржавой проволоке осипший пес" (К.Паустовский); "Но еще страннее, еще неразгаданнее чувство пробудилось бы в глубине души при взгляде на старушек., толпившихся между новым, смеющимся, живым человеком" (Н.Гоголь).

В пределах небольшого контекста, в непосредственной близости к форме единственного числа с обобщенно-собирательным значением иногда располагается сочетание, содержащее конкретное указание на количество единиц, подразумеваемых этой формой. Этот разрешающий контекст - еще одно свидетельство множественного характера семантики анализируемых грамматических форм: "Из-за рубежа поступила информация, что 40 душманов вместе с оружием и крупными суммами денег перейдут границу. Чтобы захватить врага, устроили засаду" (Собеседник); "Всего же у стен крепости защитники ее положили пятую часть шведской армии, то есть шесть с лишним тысяч солдат и офицеров неприятеля" (Смена); "... противостояли 13-ти тысячной группировке противника" (Комсомольская правда).

Репрезентация плюрального характера семантики форм единственного числа может осуществляться различными контекстуальными средствами, указывающими на временную или пространственную протяженность объекта. Так, длительность времени совершения действия часто дает повод мыслить форму единственного числа как обобщенно-собирательную: "Всю зиму валили дуб, готовили опоры под будущий мост" (И.Друцэ); "В течение тысяч лет человек создавал то, что сейчас являет собой красоту и достоинство жизни на земле - культуру, искусство, науку" (Учительская газета).

Этой же цели служит и контекстуальное указание на протяженность места, занимаемого объектом: "Прошлый год добивался под овощи увеличить площадь, под коноплю - выгодно" (П. Проскурин); "Ведь свободный доступ к книге, обеспечиваемый сетью библиотек, поставлен под угрозу" (Правда); "Мокрый лист с осины и дорожных ивков Так и хлещет в спину, В спину и в загривок" (С.Есенин). Погашающий парадигматическое значение единичности контекст представлен лексемами и их сочетанием площадь, сеть библиотек, с осины и ивков.

Иногда множественность семантики форм единственного числа поддерживается в контексте указанием на объем работы, предполагающий множество исполнителей: "Вся гигантская программа их архитектурного строительства была выполнена исключительно мускульной силой человека" (В. Гупяев); "Суворов был уверен, что Измаил можно взять только штыком" (И. Друцэ).

Как видим из приведенных примеров, контекстуальный плюральный характер форм единственного числа с различной степенью частоты можно наблюдать во всех стилях русской речи.

При анализе взаимодействия различных частей речи как контекстуальных средств, влияющих на наше представление об обобщенно-собирательном характере форм единственного числа, прежде всего обращает на себя внимание глагол. Довольно часто семантика глагола предполагает множественность субъекта или объекта с ним связанного: "За березовой рощей начались посадки дубов и кленов, а дальше пошла ель" (С. Баруздин); "...осень засыпала ее палым листом так густо, что совсем не стало видно сырой, рыжей глины" (К.Паустовский). Эту же функцию могут выполнять и глагольные формы, например: "В Мещерском крае можно увидеть обширные болота, покрытые ольхой и осиной" (К. Паустовский); "В кобзарный гурт вела со шляха ровная дорожка, обсаженная по краям акацией, чтобы слепцы не сбивались с пути" (Е.Вадецкий). В качестве интенсифицирующего контекста могут выступать и отглагольные существительные, требуя множественного субъекта или объекта: "...многие уходили на, так сказать, заслуженную пенсию, увеличивая приток в войско и к его руководству немонгольского элемента" (В.Чивилихин); "Труд был для него святыней, будь то многолетнее выращивание новой породы молочного скота или разведение зеркального карпа" (К. Паустовский).

В ряде случаев наблюдается четко выраженная связь форм единственного числа существительных, обозначающих как лиц, так и не-лиц, с формами множественного числа местоимений. В результате - сингулятив воспринимается как имеющий грамматическую плюральную семантику:

" - Чужеземец у нас везде... Если, как надеюсь, нам удастся когда-нибудь от них избавиться, то не иначе как с мечом в руках" (Д. Жуков); "А то, не обращая внимания на потоки сыплющегося сверху снега, пройдет по привычному маршруту лось - в послевоенные годы они появились в окрестных лесах невесть откуда" (П. Проскурин); "Америка инкорпорейтед" голосует долларом. А их у нее хватает" (Комсомольская правда). Как видим, диагностирующий контекст в подобных случаях бывает правосторонним.

Одним из доказательств того, что формы единственного числа могут иметь плюральную грамматическую семантику, видимо, служит их функциональная близость с формами множественного числа: способность выступать в качестве однородных членов предложения. Чаще всего разрешающим контекстом такого рода являются однородные дополнения: "Женщины плакали. Совали вареники, черешню, яблоки" (С. Баруздин); "Она цвела лютиками и аиром, шумела ольхой и густыми ветлами" (К.Паустовский); "Сад давал яблоки, груши, инжир, хурму, фанаты, айву, мушмулу, кизил, персики, сливы, черешню, виноград, орехи" (Д. Жуков).

Наблюдается и параллельное употребление форм единственного числа в обобщенно-собирательном значении и форм множественного числа в одинаковых грамматических условиях, выполняющих идентичную грамматическую функцию в пределах одного контекста: "Этих уму-разуму научил крымский аркан, ненависти - турецкие галеры, памяти - московский кнут" (В. Бахревский).

Грамматическая семантика множественности у форм единственного числа иногда может манифестироваться с помощью поддерживающего контекста - пояснением этой формы рядом однородных членов: "Ваш враг - резец и кельма" (В.Вознесенский); "Глубокой любовью к простому человеку - батракам, грузчикам и ремесленникам - проникнуты многие работы Жоржи Амаду" (Ю. Антонов).

Плюральный характер семантики форм единственного числа обнаруживается и во взаимообусловленности с числовыми формами имен существительных. Языковой материал показывает, что формы единственного числа, выражающие всеобщий характер множества, могут в контексте употребляться параллельно с формами множественного числа и собирательности гомогенных и гетерогенных имен существительных, обозначая при этом одно и то же понятие. Форма единственного числа используется для более обобщенного выражения, придает всеобщий характер. Покажем на примерах возможность параллельного употребления форм единственного числа в обобщенно-собирательном значении и форм множественного числа гетерогенных имен существительных, еще раз подчеркивающее плюральный характер семантики сингулятивов: "Сынов покрошила война. Старших два пали еще до японцев, а младшего загубил германец" (Г.Марков); "Мы пошли на то, чтобы давать производству рабочих широкого профиля, а не узких операционщиков. Увы, школьник может оценить это не сразу, только после ПТУ" (Комсомольская правда); "Работай на немцев, на врага - не спеша!" (Ю. Буряковский). В последнем примере наблюдаем не просто параллельное употребление, а компенсирующий контекст особой структуры - уточнение формы множественного числа формой единственного в обобщенно-собирательном значении.

Подобную картину встречаем и при употреблении в одинаковой грамматической функции форм единственного числа в собирательном значении и собирательных форм. Гетерогенные существительные могут функционировать в этом случае как в пределах одного предложения, так и в

контактных предложениях: "Поиски наиболее целесообразной формы колхозного движения происходили в обстановке известной противоречивости различных слоев трудового крестьянства. Деревенская беднота склонялась к более полному обобществлению имущества и к уравнительности в распределении продуктов труда. Середняк же стремился к распределению в соответствии с внесенными в колхоз средствами производства" (из учебника истории). Если собирательные формы крестьянство, беднота передают совокупный, коллективный характер множества, то форма единственного числа середняк отражает всеобщий характер множества. Эти дифференциальные семы не противоречат, а скорее дополняют друг друга, поэтому, видимо, и возможно омореферентное употребление этих форм.

Особенно показательным для исследуемых форм единственного числа представляется поддерживающий семантику множественности контекст, в котором гомогенные существительные в форме множественного числа и собирательности используются в качестве омореферентов форме сингулятива: "Крестьяне станут истинными братьями. Полные закрома - вот мерило прилежания, а следовательно, и почета. В единой семье трудового народа, крестьянство займет подобающее ему главное место. Природный ум и мудрость русского крестьянина выдвинут его на все ступени государственного устройства" (Г.Марков). Вероятно, в силу того, что собирательные и сингулятивы имеют более близкую грамматическую семантику, чем соотносительные с ними формы множественного числа, во избежание грамматической избыточности чаще прибегают к использованию омореферентных форм множественного числа и единственного числа с собирательным значением. Плуративы при этом обычно указывают на расчлененный характер множества, а формы единственного числа - на общий, относящийся к любому и каждому члену множества характер. То есть, различие в употреблении анализируемых гомогенных форм существительных имеет, прежде всего, семантическую основу.

Грамматическая омореферентность анализируемых форм возможна и при наличии, в тексте обращений, выражающихся обычно в форме единственного числа. Такая "интимизация" приводит к тому, что речь воспринимается обращенной ко всем и каждому из мыслящегося множества. Плуратив же указывает на более определенное множество, не содержащее в себе таких четких характеристик: "Июнь - пчелам самая работа. Плодись, пчела, работай!" (В. Бахревский); "Редкие торопливые прохожие провожают взглядом зловещий кортеж немецких машин. Кто-то еще отправляется сегодня на смерть, чтобы все мы дожили до лучших дней. Спроси-ка свою совесть, прохожий, загляни глубже в себя. Может быть, и ты способен сделать для этого что-то реальное?" (В. Буряковский).

Употребление в тексте устойчивых выражений, в состав которых входят формы единственного числа, также может приводить к наблюдаемой нами омореферентности с формами множественного числа: "Но Елифан знал лучше других, что владельцы постоянных дворов хорошую деньгу забивали. Деньги шли по многим каналам: за постой, за чай, за харч, за сено, за фураж" (Г.

Марков).

При анализе функционирования оморферентных форм единственного и множественного числа обращает на себя внимание тот факт, что эти формы могут использоваться как в пределах одного предложения, так и в соседних контактно или дистантно расположенных предложениях. Например, в одном предложении: "- Помяни мое слово, в России высоко поднимутся ученые люди, куда выше и дворянства и боярства, вровень с самим царем, потому что царь без ученого человека как без рук" (В. Бахревский); "В последние годы даже инспектора гороно публично отмечали - ученик сто двадцать пятой школы своим поведением завидно отличался от учеников других школ"(В. Тендряков); "О том, что подростку практически невозможно устроится на работу в поселке, знают все, кто подростками занимается" (Комсомольская правда).

Собранный материал показывает, однако, что чаще параллельные формы множественного и единственного числа с собирательным значением используются в контекстах, которые по своему объему больше предложения. Сингулятивы, как более обобщающие формы, функционируют обычно в предложениях-констатациях, носящих форму афоризма, умозаключения. Форма единственного числа может быть как в препозиции, так и в постпозиции (т.е. выступать левым или правым контекстом) по отношению к плюративу. При употреблении в препозиции рассуждение как бы строится по схеме "от общего - к частному": "В особом внимании нуждается сельская школа. ...Усилия должны быть направлены на коренное улучшение условий работы сельских школ" (Учительская газета).

В других случаях рассуждение предваряет обобщение, сначала идет повествование о каких-либо событиях, а затем обобщение. Сингулятивы при этом имеют постпозитивное расположение по отношению к плюративам. Рассуждение строится по модели "от частного - к общему": "Начинает охотиться за сервизом, за книгами. К слову, для многих книга теперь из категории духовных потребностей перешла в категорию дефицитных товаров" (Правда); "К неуправляемости студенты привыкают быстро. Иногда даже кажется, что как раз эта неуправляемость и привлекает в вуз тех студентов, которых потом приходится отчислять. Вот почему проблема управления процессом работы студента представляется нам чрезвычайно актуальной" (Известия); "Пришла блокадная зима... Жизнь на первый взгляд только теплилась в людях. Но человек жил, и сопротивлялся, и побеждал наперекор всему" (К.Паустовский).

Выбор формы не всегда обусловлен характером контекста-предложения. Грамматические синонимы могут применяться и во избежание повторов, то есть выполнять стилистическую функцию: "И возникает у Сусанина мысль обмануть врага, он для виду соглашается провести кратчайшим путем на Москву своих заклятых врагов" (В.Петелин); "Мы много пишем и говорим о бедствующих американцах. ...Но не на них делает ставку президент-консерватор, а на среднего американца, на "средний класс", на "политический центр" (Собеседник).

Таким образом, при выявлении имплицитных значений множественности

(дискретного, собирательного, обобщенного и т.п. характера) у форм единственного числа имен существительных русского языка обнаруживается диагностирующая парадигма, представленная разными частями речи и их формами (глаголом, существительным, прилагательным, местоимением, числительным, предлогом). Вербальный контекст (разрешающий, поддерживающий, интенсифицирующий, погашающий) может быть представлен словосочетанием, предложением и более сложным синтаксическим образованием.

Литература:

1. Брусенская Л.А. Обобщенно-собирательное значение форм единственного числа конкретных существительных // РЯНШ. - 1986. - №10.
2. Колесников А.А. Семантическое обеспечение грамматических форм имен существительных русского языка. - К., 1988.
3. Прокопович Е.Н. Употребление в литературном языке существительных с обобщенно-собирательным значением // РЯШ. - 1966. - №4.
4. Тукова Т.В. Омореферентность форм собирательности и единственного числа имен существительных русского языка // Филол. науки. - 1992. - №4.
5. Якимова Л. В. Единственное число имен существительных с обобщенно-предметным значением // Труды кафедры русского языка: Ученые записки / Московский обл. пед. ин-т. - Т.100. - Вып.6. - М., 1961.